

ПРОЛОГ

Склонившись над раковиной в туалете, она плакала. Слезы стекали по щекам и размывали тушь, которой она всего несколько часов назад так тщательно красила ресницы. Всем тут чужая, она тем не менее именно здесь и оказалась.

Горе — штука подлая. Вечно приходит и уходит, словно незванный гость, и никак его не уймешь. Сама того не осознавая, в этом горе она нуждалась. В последнее время горе — единственное, что дает ей ощущение реальности. Она поймала себя на том, что даже сейчас нарочно думает о своей лучшей подруге, потому что надо поплакать. Прямо как ребенок, который расковыривает болячку, не в силах остановиться, хотя и знает, что будет больно. Она пыталась справляться в одиночку. Честно пыталась. Да и сейчас по-своему пытается, просто иногда на плаву ты держишься благодаря одному-единственному человеку, а отпусти он тебя — и ты полетишь вниз, каким бы сильным ты ни был и как бы прочно ни стоял на ногах. Однажды, давным-давно, на темной улице, которая носила название улица Светлячков, она обрела единомышленницу.

Так все и началось. Больше тридцати лет прошло.

Талли-и-Кейт. «Мы с тобой против всего мира. Лучшие подруги навеки».

Но все заканчивается, верно? Ты теряешь тех, кого любишь, и тебе приходится искать возможность жить дальше.

«Надо оставить все это позади. С легким сердцем попрощаться».

Это непросто.

Она пока и не подозревает, что именно начнется совсем скоро. Что все вот-вот изменится. Из-за нее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

2 сентября 2010, 22:14

Выпивка слегка ударила ей в голову. Ощущение приятное — словно тебя завернули в теплый, с батареи, плед. Но, придя в себя, она вспомнила, где находится, и приятное ощущение улетучилось.

Она сидела в кабинке туалета, а на щеках высыхали слезы. Давно она уже тут? Она медленно встала, вышла из туалета и, протолкавшись через толпу в вестибюле кинотеатра, оказалась на улице. Осуждающие взгляды, которые бросали ей вслед красивые люди, пившие шампанское под блестящей люстрой девятнадцатого века, ничуть ее не трогали. Кино, похоже, кончилось.

Снаружи она сбросила свои лакированные лодочки и в одних дорогущих черных колготках зашагала под дождем по грязным улицам Сиэтла домой. Здесь идти-то всего кварталов десять. Дойдет, никуда не денется, к тому же сейчас, вечером, такси все равно не поймашь.

Возле Вирджиния-стрит она заметила вывеску «Мартини бар». Снаружи, под козырьком, болтали, сбившись в кучку, курильщики. Хоть она и умоляла себя пройти мимо, но все-таки развернувшись, подошла к двери, открыла ее и направилась к длинной, красного дерева стойке бара.

— Что будем пить? — спросил худой манерный парень с волосами мандаринового цвета. Железа у него на лице было столько, сколько не у каждого слесаря найдется.

— Одну текилу, — бросила она.

Осушив стопку, она заказала еще. Громкая музыка успокаивала. Она отхлебывала текилу и покачивалась в такт музыке. Вокруг болтали и смеялись. И сама она тоже словно приобщи-лась к этому веселью.

На табурет рядом с ней сел мужчина в дорогом итальянском костюме. Высокий и подтянутый блондин, ухоженный, со стиль-ной стрижкой. Наверное, банкир или юрист. Для нее, разумеет-ся, чересчур молод — вряд ли старше тридцати пяти. Сколь-ко он, интересно, уже болтается тут, высматривая себе телочку посимпатичнее? Один бокал успел выпить или два?

Наконец он повернулся к ней. Судя по взгляду, он узнал ее, и это подкупило.

— Угостить тебя?

— Не знаю. А получится?

Неужто у нее язык заплетается? Так не пойдет. Да и сообра-жает она уже туго.

Его взгляд переполз с ее лица на грудь и снова вернулся на лицо. Такой взгляд убивает любое притворство.

— Ну хотя бы угощу.

— Я обычно с кем попало не общаюсь, — сказала она. В последнее время рядом с ней только кто попало и кру-тился. Все остальные, те, кто был ей небезразличен, о ней поза-были.

Она чувствовала, как действует ксанакс, а может, то была текила. Мужчина дотронулся до ее подбородка — от ласкового прикосновения по ее телу пробежала дрожь. Какая самоуве-ренность, но к ней уже сто лет никто не прикасался.

— Меня зовут Трой, — сказал он.

Глядя в его голубые глаза, она ощутила бремя своего одино-чества. Когда мужчина хотел ее в последний раз?

— А меня Талли Харт.

— Знаю. — И он поцеловал ее. Губы у него оказались слад-коватые на вкус, отдавали ликером и сигаретами. А может, травкой. Ей захотелось раствориться в этой чувственности, рас-таять, точно леденец. Хотелось забыть обо всех ошибках, кото-рые она совершала в жизни и которые привели ее сюда, к оди-ночеству в толпе незнакомцев.

— Поцелуй еще раз. — Она с отвращением услышала в собственном голосе мольбу. Так ее голос звучал в детстве, когда она, уткнувшись носом в стекло, ждала мать. Я какая-то неправильная, да? — спрашивала та девчонка всех желающих выслушать ее, но ответа так и не дождалась.

Талли подалась к нему, притянула к себе, но даже когда он поцеловал ее и прижался к ней, к ее горлу подступили слезы, и сдержать их не получалось.

3 сентября 2010, 02:01

Из бара Талли ушла последней. Двери у нее за спиной хлопнули, неоновая вывеска зажужжала и погасла. Сейчас, в третьем часу ночи, улицы Сиэтла опустели. Успокоились.

Покачиваясь, она шагала по скользкому тротуару. Надо же, стоило незнакомому мужчине ее поцеловать, и она разревелась.

Убогая. Неудивительно, что он сразу слился.

Точно волнами, ее накрывало дождем. Вот бы сейчас остановиться, запрокинуть голову и глотать дождь, пока не захлебнется.

А что, неплохо.

Дорога до дома заняла вечность. В вестибюле она молча прошла мимо швейцара, стараясь не смотреть на него.

В лифте она взглянула на свое отражение в зеркальных стенах.

О господи.

Ну и видок. На голове настоящее гнездо рыжеватых волос, которые давно пора подкрасить. На щеках потеки туши, смахивающие на боевую маску.

Двери лифта открылись, и она вышла на площадку. Еле держась на ногах, она с трудом добрела до своей квартиры, ключ в замок вставила лишь с четвертой попытки.

Когда дверь наконец открылась, у Талли уже снова раскалывалась голова, перед глазами все кружилось.

На пути между гостиной и столовой Талли врезалась в столик и чуть не упала. В последней отчаянной попытке она ухватилась за диван и со стоном рухнула на упругие белые подушки.

Столик перед диваном почти утонул в ворохе писем, счетов и журналов.

Талли откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. В какой же бардак превратилась ее жизнь!

— Ну ты и стерва, Кейти Райан, — обругала она лучшую подругу.

Какое же невыносимое одиночество. Вот только ее лучшей подруги больше нет. Она умерла. Из-за этого все и началось. Талли потеряла Кейт. Грустная небось картинка выходит. Горе, накрывшее Талли после смерти подруги, тащило ее с собой, и ей не хватало сил сопротивляться.

— Ты так мне нужна, — пробормотала она и заорала во весь голос: — Ты так мне нужна!

Молчание.

Голова свесилась на грудь. Неужели она засыпает? Похоже на то...

С трудом разлепив глаза, она уставилась на кучу бумаг на кофейном столике. В основном мусор — каталоги и журналы, которые она больше не читает. Талли уже отвела глаза, но тут взгляд ее зацепился за какую-то фотографию.

Нахмурившись, Талли наклонилась к столику, отодвинула в сторону бумаги и вытащила журнал «Стар». В правом верхнем углу была ее фотография. Не сказать чтоб удачная. Не из тех, которыми гордишься. А под снимком одно-единственное ужасное слово.

Зависимость.

Талли открыла журнал. Перед глазами замелькали страницы, а вот и нужная.

Снова ее фотография, а рядом небольшая, меньше страницы, записка.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ

Женщинам, привыкшим ко всеобщему вниманию, стареть бывает нелегко, но особенно трудно пришлось Талли Харт, бывшей звездной ведущей некогда популярного ток-шоу «Разговоры о своем». В редакцию «Стар» обратилась крестница мисс Харт, Мара Райан. Мисс

Райан рассказала, что в последнее время пятидесятилетняя Талли Харт безуспешно борется с недугом, который преследует ее многие годы. По словам мисс Райан, Талли Харт «стремительно набирает вес» и злоупотребляет наркотиками и алкоголем...

— О господи...

Мара.

От такого предательства Талли пронзила острая боль.

Она дочитала заметку, и журнал выпал у нее из рук. Месяцами, годами Талли отгоняла от себя эту боль, но потом та пробудилась к жизни и загнала ее в одиночество, подобного которому Талли еще никогда не испытывала. Впервые в жизни она не представляла, как ей выбраться из этой ловушки. С трудом поднявшись, Талли потянулась за ключами от машины. Пора положить этому конец.

ГЛАВА ВТОРАЯ

3 сентября 2010, 04:16

Где я? Что случилось?

Я хватаю ртом воздух и пытаюсь пошевелиться, но тело не двигается — ни руки, ни пальцы меня не слушаются. Наконец я открываю глаза. В них словно песка насыпали. Горло пересохло так, что не сглотнуть.

Вокруг темно. Рядом кто-то есть. Или что-то. Оно чем-то гроыхает, будто молотком по железу колотит. Удары отдаются у меня в спине, впиваются в зубы, отзываются головной болью.

Звук — металлический скрип — повсюду: сбоку, сзади, внутри мена.

Грохот — скрип; грохот — скрип.

Боль.

Я ощущаю все сразу. Изошренные мучения. Стоит мне осознать их, ощутить их, как они вытеснили все остальное.

Боль разъедает огнем голову, пульсирует в руке. Что-то у меня внутри явно поломалось. Я делаю попытку шевельнуться, но боль такая, что я отступаюсь. Очнувшись, я предпринимаю новую попытку. Дышу я тяжело, в легких что-то хлюпает. Я чувствую запах собственной крови, чувствую, как она струится по шее.

Силуюсь сказать «помоги», но эти убогие попытки тонут в темноте.

ОТКРОЙТЕ ГЛАЗА

Этот приказ я отчетливо слышу, и меня охватывает облегчение. Я не одна.

ОТКРОЙТЕ ГЛАЗА

Не могу. Никак не получается.

ОНА ЖИВА

Еще слова, теперь крик.

НЕДВИГАЙТЕСЬ

Темнота вокруг меняется, боль снова накрывает меня. Шум — сочетание распиливающей кедр пилы и детского крика — заполняет все вокруг. В моей тьме мелькают светлячки, и от этих огоньков во тьме меня накрывает печалью. И усталостью.

РАЗДВАТРИПОДНЯЛИ

Я чувствую, как меня поднимают, ощущаю чужие холодные руки. Но не вижу их. Я кричу от боли, но звук тотчас же затухает, а может, он только и существует, что у меня в голове?

Где я? Я чувствую что-то твердое и кричу.

ВСЕХОРОШО

Я умираю.

Осознание этого приходит ко мне не спеша, выдавливает из легких дыхание.

Я умираю.

3 сентября 2010, 04:39

«Что-то случилось», — понял, проснувшись, Джонни Райан. Он выпрямился и огляделся.

Ничего. Ничего, что вызывало бы тревогу.

Он дома, на острове Бейнбридж, у себя в кабинете. Снова заснул за работой. Таково проклятье одинокого отца, который работает из дома. День не вмещает в себя все дела, поэтому приходится красть время у ночи.

Он потер усталые глаза. На мониторе перед ним застыло лицо: окрысившийся подросток на улице. Над головой у него неоновая вывеска, в пальцах зажата докуренная до фильтра сигарета.

Джонни снова запустил видео, и Кевин — на улице его знали под именем Кудрявый — заговорил о родителях.

— Да им плевать. — Мальчишка пожал плечами.

— Почему ты так решил? — раздался в колонках голос Джонни.

Камера выхватила взгляд Кудрявого: искренняя боль и гнев.

— Ну, я ж тут, так?

Джонни пересмотрел эту запись раз сто, не меньше. Он неоднократно встречался с Кудрявым и по-прежнему не знал, где мальчишка вырос, откуда родом и кто, с тревогой вглядываясь в темноту, ждет и разыскивает его.

Джонни не понаслышке знал о родительских страхах, о том, как ребенок растворяется в сумраке и исчезает. Поэтому он и просиживал днями и ночами над этим документальным фильмом о детях-беспризорниках. Если искать как следует, задавать побольше вопросов, он, возможно, ее отыщет.

Джонни вгляделся в фигуру на экране. Тем вечером, когда они снимали этот материал, шел дождь и, наверное, поэтому беспризорников на улице было немного. И тем не менее на заднем плане он рассмотрел чью-то тень, силуэт, похожий на молодую женщину. Джонни прищурился и надел очки. Мара?..

Но нет, работая над фильмом, дочь он так и не нашел. Мара сбежала из дома и исчезла. Может, она вообще уехала из Сиэтла — этого Джонни не знал. Он погасил свет в кабинете и прошел по молчаливому пустому коридору. Слева на стене россыпь семейных фотографий — матовое стекло, черные рамки. Порой Джонни останавливался и позволял снимкам — его семье — увести его назад, в более счастливые времена. Иногда он замирал перед фотографией жены и тонул в улыбке, которая когда-то заливала светом весь его мир.

Сегодня он прошел мимо. Возле комнаты сыновей замедлил шаг и открыл дверь. Эту привычку Джонни завел недавно, теперь он одержимо опекал своих одиннадцатилетних сыновей. Когда познакомишься с жестокостью жизни и осознаешь, насколько внезапно эта жестокость способна настичь тебя, стараешься защитить то, что у тебя осталось. Мальчики мирно спали.

Джонни выдохнул — он и сам не заметил, что все это время сдерживал дыхание, — и подошел к закрытой двери в комнату Мары. Здесь он останавливаться не стал, вид ее комнаты ранил

его. Застывшие во времени предметы — нежилая комната маленькой девочки, где все осталось так, как было при Маре, — причиняли боль.

Джонни вошел к себе в спальню и прикрыл за собой дверь. Вокруг валялись одежда, документы и книги, которые он начал было читать и бросил, но непременно дочитает, когда все уляжется. Он прошел в ванную, снял рубашку и сунул ее в корзину для грязного белья. А потом взглянул на свое отражение в зеркале. Иногда, глядя на себя, Джонни думал: «А что, в пятьдесят пять и хуже бывает». А иногда, вот как сейчас, в голове у него мелькало: «Неужто это я?»

Он казался... грустным. Грусть пряталась в глазах. Волосы отросли, и их черноту теперь разбавляли серые пряди. Постричься у Джонни все руки не доходили. Он вздохнул, повернул кран и залез под душ, чтобы горячие, обжигающие струи смыли тоску.

После душа ему полегчало, теперь Джонни был готов вступить в новый день. Пытаться заснуть все равно бессмысленно. Не сейчас.

Он вытер полотенцем волосы, подобрал с пола старую футболку с «Нирваной» и рваные джинсы и натянул на себя. И тут зазвонил телефон. Домашний, стационарный. Джонни нахмурился: кто может звонить в 2010-м на древний телефон? Тем более в пять утра. В такой час разве что плохих новостей жди.

Мара.

Джонни рванулся к телефону:

— Алло!

— Я могу поговорить с Кейтлин Райан?

Гребаные торговцы. Они что, базы данных не обновляют?

— Кейтлин Райан умерла почти четыре года назад. Удалили ее имя из списков, — сухо сказал Джонни, ожидая услышать: «В вашей семье вы планируете бюджет?» Однако ответом ему было молчание, и Джонни не выдержал: — Кто это?

— Джерри Мэлоун, полиция Сиэтла.

Джонни напрягся.

— И зачем вам Кейт?

— Произошел несчастный случай. В бумажнике жертвы обнаружили телефон Кейтлин Райан и просьбу связаться с ней в случае необходимости.

Джонни сел на кровать. В мире остался лишь один человек, который в экстренном случае захотел бы связаться с Кейт. Что она еще натворила? И кто в наше время хранит в бумажнике записку с экстренным номером телефона?

— Это Талли Харт, да? За руль пьяная села?.. Потому что если...

— Сэр, я не владею этой информацией. Мисс Харт госпитализировали в больницу Святого Сердца.

— Все так плохо?

— Не знаю, сэр. Вам следует связаться с больницей.

Джонни повесил трубку, нашел в интернете номер больницы и позвонил. Минут через десять его наконец переключили на нужного сотрудника.

— Мистер Райан? — спросила женский голос. — Я правильно понимаю, что вы родственник мисс Харт?

Этот вопрос ввел его в ступор. Сколько они с Талли уже не разговаривают? А вот и вранье. Джонни прекрасно знает сколько.

— Да, — ответил он. — Что случилось?

— К сожалению, сэр, мне не все известно, но ее сейчас везут к нам.

Джонни взглянул на часы. Если поторопиться, то он успеет на паром, который уходит в 5:20, и тогда до больницы доберется через час с небольшим.

— Я выезжаю. Постараюсь побыстрее.

Лишь когда из трубки послышался гудок, Джонни понял, что не попрощался. Он бросил трубку на кровать. И тут же снова схватился за телефон. Надевая свитер, он одновременно набирал номер. Долгие, длинные гудки напомнили о том, что сейчас раннее утро.

— Алло...

— Коррин, прости, что я так рано, но тут кое-что случилось. Отведешь мальчишек в школу?

— Что стряслось?

— Мне нужно в больницу. Несчастный случай. Оставлять ребят одних я не хочу, а к тебе их отвезти не успею.

— Не волнуйся, — сказала Коррин, — через пятнадцать минут буду у вас.

— Спасибо, — поблагодарил он, — я твой должник.

Джонни прошел к спальне сыновей и открыл дверь:

— Подъем, парни. Встаем, одеваемся, живо.

— А? — Уиллз приподнялся в постели.

— Я уезжаю. Коррин вас через пятнадцать минут заберет.

— Но...

— Никаких «но». Поедете к Томми. Наверное, с тренировки вас тоже Коррин заберет. Я не знаю, когда вернусь.

— Что случилось? — Сонное лицо Лукаса было встревоженным.

Сыновья знали, что такое внезапная беда, и не любили, когда нарушалась размеренность привычной жизни. Особенно склонен к переживаниям был Лукас, который унаследовал материнские тревожность и страхи.

— Ничего не случилось, — твердо сказал Джонни, — просто мне срочно нужно в город.

— Он думает, мы с тобой все еще малыши, — сказал Уиллз, сбрасывая одеяло. — Пошли, Скайуокер.

Джонни глянул на часы. 05:08. Если он не хочет опоздать на паром в пять двадцать, выходить надо немедленно. Лукас слез с кровати, подошел к Джонни и сквозь упавшие на глаза спутанные каштановые волосы посмотрел на отца:

— С Марой что-то?

Разумеется, они переживают. Сколько раз они срывались с места и мчались в больницу к матери? Одному богу известно, в какие неприятности могла угодить Мара. Все они тревожатся за нее.

Джонни и забыл, какими его сыновья бывают мнительными, даже сейчас, спустя почти четыре года. Трагедия никого из них не пощадила. С мальчишками он изо всех сил старался все делать правильно, но даже завяжись он в узел, матери им это не заменит.

— С Марой все хорошо. Это из-за Талли.

— А что с Талли? — переполошился Лукас.

Мальчики обожали Талли. Сколько раз в прошлом году они умоляли отца о том, чтобы увидеться с ней? И сколько отговорок Джонни придумал? Его обдало волной стыда.

— Я пока толком ничего не знаю, но как только выясню, сразу расскажу, — пообещал Джонни. — Давайте-ка собирайтесь, чтобы Коррин вас не ждала.

— Пап, мы ж не маленькие, — буркнул Уиллз.

— Ты нам после футбола позвонишь? — спросил Лукас.

— Позвоню. — Он поцеловал обоих, взял с тумбы в коридоре ключи от машины и оглянулся на сыновей. Двое одинаковых мальчишек, которым пора бы постричься, в шортах и мешковатых футболках, стояли в коридоре и испуганно смотрели на него. Джонни повернулся и вышел на улицу. Мальчишкам все же по одиннадцать лет — уж десять-то минут они способны пробыть дома одни.

Он завел двигатель и поехал к паромной переправе. На пароме Джонни не выходил из машины и все тридцать пять минут нетерпеливо барабанил пальцами по обтянутому кожей рулю.

В десять минут седьмого он свернул на больничную парковку и остановился под неестественно ярким фонарем. До восхода еще полчаса, и город тонул в утренних сумерках.

Джонни вошел в такой знакомый вестибюль больницы и направился к регистратуре.

— Таллула Харт, — хмуро сказал он, — я ее родственник.

— Сэр, я...

— Как Талли? Не тяните. — Прозвучало это так резко, что женщина дернулась.

— Хорошо, — заторопилась она, — сейчас вернусь.

Джонни отошел от стойки регистратуры и принялся мерить шагами вестибюль. Господи, как же он ненавидит и это место, и его запах, такой знакомый.

Он уселся на неудобный пластиковый стул и стал нервно постукивать ногой по линолеуму. Шли минуты, и каждая понемногу выдавливала из него самообладание.

За прошедшие четыре года он научился справляться без жены, которую любил больше всего на свете, но это оказалось

непросто. Воспоминания он гнал от себя — уж очень они ранили. Вот только здесь, в этом месте, память не прогонишь. Сюда он возил Кейт — на операции, химиотерапию и курс облучения, они провели тут долгие часы, уверяя друг друга, что рак их любви не помеха. Вранье. И правде в глаза они взглянули тоже здесь, в больничной палате. В 2006 году. Джонни лежал рядом с Кейт, обнимал, силился не замечать, как она похудела за год борьбы. В айподе возле кровати пела Келли Кларксон. «Некоторые ждут всю жизнь... такого мгновения».

Он запомнил лицо Кейти в тот момент. Боль жидким огнем сжигала ее тело, добиралась до каждого уголка. До костей, до мышц, до кожи. Морфия она принимала столько, на сколько смелости хватало, однако ей хотелось вести себя как обычно и не пугать детей.

— Я домой хочу, — сказала она.

Джонни посмотрел на нее, в голове билась одна-единственная мысль: она умирает. Правда подкосила его, на глаза навернулись слезы.

— К моим малышам, — тихо проговорила она и рассмеялась, — хотя какие ж они малыши. У них уже молочные зубы выпадают. Кстати, не забудь оставлять доллар от зубной феи. И обязательно фотографируй. А Мара... Передай ей, что я все понимаю. В шестнадцать я тоже маму из себя выводила.

— Я такие разговоры вести не готов, — сказал Джонни, хоть и ненавидел сам себя за слабость. В ее глазах он прочел разочарование.

— Мне бы с Талли встретиться, — сказала Кейти.

Он удивился. Его жена и Талли почти всю жизнь были лучшими подругами, но потом рассорились. Они два года не разговаривали, и за это время у Кейт обнаружили рак. Джонни так и не смог простить Талли — ни за ссору (а произошла она, разумеется, по вине Талли), ни за то, что сейчас, когда Кейти нуждалась в ней больше всего на свете, подруги рядом не было.

— Нет уж. Забыла, как она с тобой обошлась?

Кейт чуть придвинулась к нему, и Джонни заметил, какую боль причиняет ей каждое движение.

— Мне надо с Талли встретиться, — повторила она на этот раз мягче, — мы с ней с восьмого класса дружим.

— Знаю, но...

— Прости ее, Джонни. Если уж я простила, то и у тебя получится.

— Это нелегко. Она тебя обидела.

— А я — ее. Лучшие подруги ссорятся. И забывают о том, что важнее всего. — Она вздохнула. — Уж поверь, я понимаю, что на свете самое главное. И Талли мне нужна.

— С чего ты решила, что она придет? Уже столько времени прошло.

Превозмогая боль, Кейт улыбнулась:

— Придет. — Она дотронулась до его лица, и Джонни повернул голову. — Ты береги ее... Потом.

— Не говори так, — прошептал он.

— Она только с виду сильная. А на самом деле — нет. Пообещай мне.

Джонни закрыл глаза. В последний год он отчаянно пытался отодвинуть боль и подладить семью под новый жизненный уклад. Этот год он с радостью стер бы из памяти, вот только как — особенно сейчас?

Талли-и-Кейт. Почти тридцать лет они были лучшими подругами, и любовь всей своей жизни Джонни встретил лишь благодаря Талли.

Стоило Талли войти в их потрепанный офис — и Джонни голову потерял. Двадцатилетняя, полная страсти и огня Талли уговорила его принять ее на работу в маленькую телестудию. Он думал, будто влюблен в нее, однако это оказалась не любовь, а что-то другое. Джонни словно зачарованный ходил, ведь людей таких же ярких и живых, как Талли, он еще не встречал. Рядом с ней он чувствовал себя так, словно вышел на солнце, просидев перед этим несколько месяцев в тени. Он всегда знал, что ее ждет слава.

Когда Талли познакомила его со своей подругой, тихоней Кейт Маларки, Джонни ту вообще едва замечал: неброская и робкая Кейт просто покорно плыла за Талли. Только спустя несколько лет, когда Кейт впервые осмелилась поцеловать его,

Джонни увидел в ее глазах собственное будущее. Он помнил, как они занимались любовью в первый раз. Ему тогда было тридцать, ей — двадцать пять, но какой же наивной она оказалась. «Это всегда так?» — тихо спросила она его.

Любовь накрыла его неожиданно, хотя он толком к ней и не подготовился. «Нет, — ответил он, не в силах соврать ей даже тогда, — не всегда».

Поженившись, они со стороны наблюдали, как стремительно восходит на небосклоне журналистики звезда Талли, но как бы по-разному ни складывались их с Кейт жизни, подруги постоянно находились рядом, точно сестры. Они почти каждый день перезванивались, и на праздники Талли практически всегда приезжала к ним в гости. Оставив телегигантов и Нью-Йорк и вернувшись в Сиэтл, чтобы запустить здесь собственное дневное ток-шоу, Талли убедила Джонни стать ее продюсером. Хорошие были годы. Годы успеха. Пока рак и смерть Кейт все не разрушили.

Сдерживать воспоминания Джонни больше не мог. Закрыв глаза и откинувшись на спинку стула. Он знал, когда все пошло наперекосяк.

На похоронах Кейт, почти четыре года назад. В октябре 2006-го. Словно окаменев, с потускневшими глазами...

...сидели они на первом ряду в церкви Святой Цецилии. Все они остро осознавали, что их сюда привело. На протяжении многих лет они неоднократно бывали здесь — на ночной рождественской службе и на пасхальных богослужениях, однако сейчас все было иначе. Вместо позолоченных украшений повсюду белые лилии. В воздухе висел их назойливо сладкий аромат.

Джонни сидел, по-военному выпрямившись и расправив плечи. Сейчас, когда рядом дети — его, их, ее дети, — ему полагалось быть сильным. Он обещал это Кейт, когда та умирала, однако сдержать обещание оказалось сложно. Внутри него раскинулась выжженная пустыня. Рядом, сцепив на коленях руки, замерла шестнадцатилетняя Мара. Она уже давно — наверное, несколько дней — не смотрела на него. Джонни знал, что должен преодолеть эту пропасть между ними, заставить Мару вернуться к нему, но при взгляде на дочь нервы подводили его.

Слишком темным и бескрайним, словно океан, было их общее горе. Джонни сидел в церкви, а глаза жгли слезы. «Не плачь, — думал он, — наберись сил».

Взгляд его скользнул влево и наткнулся на увеличенную фотографию Кейт. На снимке она стояла на пляже возле их дома на острове Бейнбридж: ветер треплет волосы, на лице улыбка, яркая, словно маяк в ночи, руки раскинуты в стороны, а вокруг бегают трое ее детей. Кейт сама попросила выбрать снимок. Они тогда лежали, обнявшись, в постели. Джонни сразу понял, о чем просит его жена. «Давай подождем», — прошептал он и погладил ее лысую голову.

Больше Кейт его не просила.

Ну разумеется. Даже в конце она была самой сильной из них, защищая остальных своим оптимизмом.

Сколько слов прятала она от него, чтобы не ранить своим страхом? Какой одинокой была?

О господи. Ее всего два дня нет — два дня, а ему уже хочется все переиграть. Хочется снова обнять ее и спросить: «Солнышко, расскажи, чего ты боишься?»

Отец Майкл поднялся на кафедру, и присутствующие, уже и так молчаливые, совсем затихли.

— Попрощаться с Кейт пришли многие, и я не удивлен. Она играла важную роль в жизни каждого из нас...

Играла.

— Вы не удивитесь, если я скажу, что Кейт дала мне строгие наставления о том, как должна пройти эта служба, и я не хочу ее разочаровывать. Она просила передать вам, что вы должны поддерживать друг друга. Превратите вашу скорбь в радости, присущие жизни. Ей хотелось, чтобы вы запомнили ее смех и любовь к семье, питавшую ее, наполнявшую силами. Она хотела, чтобы вы жили... — Голос священника сорвался. — Такой была Кейтлин Маларки Райан. Даже в самом конце она думала о других.

Мара беззвучно рыдала.

Джонни взял ее за руку. Дочь вздрогнула, посмотрела на него, и в ее глазах он увидел бездонное горе, которое Мара старательно прятала.

Заиграла музыка. Сперва она звучала где-то далеко — впрочем, возможно, это оттого, что в голове у Джонни гудело.

Песню он узнал не сразу.

— О нет... — пробормотал он. Вместе с музыкой нарастала и волна чувств.

«Без ума от тебя» — вот что это была за песня.

Под нее они танцевали на свадьбе. Джонни закрыл глаза и почувствовал, как вновь обнимает Кейт и как музыка уносит их прочь. Дотронься до меня — и поймешь, что все по-настоящему.

Лукас — милый восьмилетний Лукас, которого по ночам теперь мучили кошмары и который, когда рядом не было его старого детского одеяльца, иногда снова мочился в кровать, — потянул Джонни за рукав:

— Папа, мама сказала, что плакать — это ничего страшного. Она попросила нас с Уиллзом пообещать, что мы не испугаемся и поплачем.

Джонни и не осознавал, что плачет. Он вытер глаза и, кивнув, шепнул:

— Так и есть, дружок.

Но посмотреть на сына у него не хватило смелости. Если он увидит слезы, то совсем сломается. Вместо этого Джонни уставился перед собой и попытался отстраниться. Слова священника он превращал в маленькие хрупкие предметы, камушки, которые кидают в кирпичную стену. Они отскакивали и падали вниз, а Джонни старательно дышал и гнал от себя воспоминания о жене. Лучше он вспомнит о ней потом, в одиночестве, ночью, когда рядом никого нет.

В конце концов поминальная служба, которая, казалось, затянулась на несколько часов, все же завершилась. Разбитый, в голове туман, Джонни огляделся и увидел вокруг десятки незнакомых и малознакомых лиц. О некоторых сферах жизни Кейти он ничего не знал, и из-за этого жена словно отдалилась от него. От этого ему сделалось еще больнее. Как только представился случай, Джонни позвал детей и повел их к машине.

Церковная парковка была забита машинами, однако в глаза Джонни бросилось не это.

На парковке он увидел Талли — подставив лицо последним осенним солнечным лучам, она раскинула руки и двигалась словно в такт музыке.

Она танцевала. Танцевала посреди улицы, возле церкви.

Он окликнул ее так резко, что Мара вздрогнула. Талли обернулась. Вытащив из ушей наушники, она двинулась к Джонни.

— Как все прошло? — тихо спросила она.

Джонни захлестнул гнев, и он ухватился за это чувство: все лучше, чем безбрежное горе.

Разумеется, себя Талли поставила на первое место. Похороны Кейт — мероприятие болезненное, вот Талли и не пошла на него. Вместо этого она осталась танцевать на парковке. Танцевать!

Вот это настоящая лучшая подруга. Если Кейт прощала Талли ее эгоизм, то Джонни это давалось нелегко.

Он повернулся к детям:

— Садитесь в машину.

— Джонни... — Талли шагнула к нему, но он отступил в сторону. Сейчас трогать его нельзя. Никому. — У меня просто сил не было внутри войти.

— Ну да. А у кого они были-то? — горько усмехнулся он.

При виде Талли боль усилилась — вполне ожидаемо. Рядом с ней отсутствие Кейт чувствовалось еще острее, ведь подруги вечно ходили вместе, смеялись, болтали, нескладно распевали дискохиты. Талли-и-Кейт. Они больше тридцати лет были лучшими подругами, и теперь видеть Талли одну было невыносимо. Это ей следовало умереть. Кейт стояла пятнадцати таких, как Талли.

— Все к нам домой поедут, — сказал он, — так Кейт захотела. Надеюсь, на это у тебя сил хватит.

Он услышал, как резко она вдохнула, и понял, что обидел ее.

— Зря ты так, — пробормотала Талли.

Не обращая внимания на нее, он усадил детей в машину, и они в тягостной тишине доехали до дома.

Бледное вечернее солнце лениво золотило их светло-коричневый, выстроенный в стиле крафтсман дом. За год болезни Кейт двор пришел в полное запустение. Джонни заехал в гараж

и пошел в дом, где в складках занавесок и ковриках на полу по-прежнему ютился слабый запах болезни.

— Папа, а теперь что?

Джонни и не оборачиваясь знал, кто задал этот вопрос. Лукас, мальчик, который плачет над каждойдохлой золотой рыбкой и каждый день рисует умирающую мать, — мальчик, который в школе снова стал плакать, а весь день рождения просидел молча и не улыбнулся, даже разворачивая подарки. Какой же он ранимый, этот мальчуган. «Особенно Лукас, — сказала Кейт в свою последнюю, ужасную ночь, — такую тоску он просто не способен вместить. Береги его».

Джонни обернулся.

Уиллз с Лукасом стояли совсем близко друг к другу, почти соприкасаясь плечами. На восьмилетках были одинаковые черные брюки и серые джемперы. С утра Джонни забыл загнать их в душ, и волосы у близнецов по-прежнему торчали, как бывает после сна.

Глаза у Лукаса блестели, мокрые ресницы топорщились. Он знал, что мамы больше нет, вот только не понимал, как это получилось.

К братьям подошла Мара — худая и бледная, в черном платье она смахивала на привидение.

Все трое смотрели на Джонни.

От него ждали, что он заговорит, произнесет слова утешения, даст совет, который запомнится им навсегда. Будучи отцом, он обязан превратить следующие несколько часов в день памяти их матери. Как, интересно?

— Пошли, ребята, — вздохнула Мара, — поставлю вам «В поисках Немо».

— Нет, — взмолился Лукас, — только не Немо.

Уиллз поднял голову и взял брата за руку.

— Там же мама умирает, — пояснил он.

— Ох... Тогда «Суперсемейку»?

Лукас потерянно кивнул.

Джонни по-прежнему ломал голову, что же он должен сказать своим измученным детям, и тут раздался первый звонок в дверь. Джонни вздрогнул. Позже он едва замечал, как утекает

время, как вокруг собираются гости, как открываются и закрываются двери. Как садится солнце и подступает к окнам ночь. «Давай же, иди поприветствуй их, поблагодари за внимание», — уговаривал он себя и тем не менее ничего не делал.

Кто-то тронул его за локоть.

— Мои соболезнования, Джонни, — услышал он за спиной женский голос.

Джонни обернулся и увидел какую-то женщину, одетую в черное, она держала накрытую фольгой посудину с едой. Джонни, хоть убей, не понимал, кто перед ним.

— Когда Артур бросил меня и ушел к той девице из кафе, я думала, что жизнь кончилась. И все-таки живешь дальше и однажды понимаешь, что снова в строю. Ты еще найдешь свою любовь.

Джонни собрал в кулак все свое самообладание, чтобы не рывкнуть, что смерть и супружеская неверность — вещи разные, но не успел вспомнить имени собеседницы, как ее уже сменила другая. Судя по накрытому фольгой подносу в пухлых руках, эта тоже считала голод самой страшной проблемой для Джонни.

Услышав «...в лучшем мире...», Джонни отошел в сторону.

Он протолкался в кухню, где устроили бар. Многие из тех, кого он встречал по пути, бормотали никчемные соболезнования — «сочувствуем, отмучилась, в лучшем мире». Джонни не останавливался и не отвечал. Не глядя на фотографии, расставленные по всей гостиной, в рамках и без, у стен и на подоконниках, Джонни добрался наконец до кухни. Здесь несколько грустных женщин ловко снимали фольгу с кастрюль и сковородок и рылись в ящиках в поисках нужных столовых приборов. Когда Джонни вошел, они замерли, точно птицы при появлении лисы, и уставились на него. Их сочувствие и страх, что когда-нибудь это случится и с ними, казалось, можно было рукой потрогать.

Марджи, его теща, налила в графин воды и со стуком поставила его на столешницу. Она убрала с лица волосы и с сокрушенным видом направилась к Джонни. Женщины расступились, пропуская ее вперед. Возле бара Марджи притормозила,

налила в бокал виски, разбавила его водой со льдом и протянула Джонни.

— А я бокал не нашел, — сказал он. Какая глупость, ведь бокалы-то стояли у него перед носом. — Где Бад?

— Телевизор смотрит с Шоном и мальчиками. Это все ему нелегко дается. В смысле, его дочь умерла, и теперь ему приходится делить горе с незнакомыми людьми.

Джонни кивнул. Тесть — человек тихий и молчаливый, и смерть единственной дочери подкосила его. Даже Марджи, еще в прошлый свой день рождения веселая и темноволосая, за время болезни Кейти очень сдала. Она плыла по течению, будто бы в любую секунду ожидая гнева Господня. Волосы она больше не красила, и те заледеневшим потоком падали ей на плечи. В глазах за стеклами очков блестели слезы.

— Ты побудь с детьми, — сказала Марджи, положив зятю на локоть бледную, в сетке голубых вен руку.

— Я тебе помочь хотел.

— Я и без тебя справлюсь, — отмахнулась она, — а вот Маря меня беспокоит. В шестнадцать лет потерять мать — это нелегко. И она наверняка переживает из-за того, что перед тем, как Кейт заболела, они с ней постоянно ссорились. Иногда слова, особенно злые, надолго в памяти застревают.

Джонни сделал большой глоток и посмотрел на позвякивающие в бокале кубики льда.

— Я не знаю, что им сказать.

— Что ты скажешь, неважно.

Марджи сжала ему руку и вывела из кухни. В гостиной толпились люди, но Талли Харт привлекала к себе внимание даже в толпе скорбящих. Звезда шоу. В черном платье-футляре, которое стоило, вероятнее всего, дороже, чем некоторые из машин возле дома Джонни, она даже в горе выглядела неотразимой. Сейчас волосы у нее были с рыжиной, а макияж Талли, очевидно, успела подправить. Стоя посреди комнаты, в окружении других гостей, она оживленно жестикулировала — судя по всему, что-то рассказывала, а когда она умолкла, все засмеялись.

— Как у нее получается улыбаться?

— Талли на своей шкуре испытала, что такое горе, не забудь. Она всю жизнь носит в себе боль. Помню, как впервые ее увидела. Они тогда с Кейти только подружились, я решила посмотреть, что это за подружка такая, и пошла в дом напротив на нашей улице Светлячков. В том старом доме я познакомилась с мамой Талли, Дымкой. Впрочем, познакомилась — это сильно сказано. Дымка лежала на диване — руки и ноги раскинуты в стороны, а на животе горка марихуаны. Она попыталась привстать, но не вышло, и она тогда и говорит: «Охренеть, во я обдолбалась». Я посмотрела на Талли — ей всего лет четырнадцать было — и увидела такой стыд, какой на всю жизнь в тебе застревает.

— У тебя был отец-алкоголик, и ты справилась.

— Я вышла замуж, и у меня дети появились. Семья. А Талли считает, что, кроме Кейт, ее никому не полюбить. По-моему, она до конца еще не осознала утрату, но когда осознает, ей придется тяжело.

Талли поставила в проигрыватель диск, и в гостиной загрела музыка. «Рожден для неистовства-а-а» — лилось из колонок. Одни отшатнулись, другие смотрели на Талли с возмущением.

— Да ладно вам, — бросила Талли. — Кому-нибудь принес-ти выпить?

Джонни знал, что надо ее остановить, но подойти не мог. Не сейчас. Еще рано. Каждый раз, глядя на Талли, он вспоминал, что Кейт больше нет, и рана снова начинала кровоточить. Он отвернулся и пошел к детям.

Подъем по лестнице совершенно обессилил его.

Возле двери в спальню близнецов Джонни остановился и собрал остатки сил.

«У тебя получится».

У него получится. Он должен. Дети там, за этой дверью, только что познали несправедливость жизни, узнали, каково это, когда смерть разрывает сердца и разбивает семьи. Объяснить им, поддержать их, исцелить — его обязанность.

Джонни вздохнул и открыл дверь.

Первыми ему бросились в глаза кровати — незаправленные, с грудой постельного белья с картинками из «Звездных